

Снаружи ветер снова усилился. Нин Гуйчжу поднялся, слегка размялся и сказал Сюн Цзиньчжоу, который как раз мыл посуду:

— Я пойду в спальню. Раз уж идёт дождь, заодно выкрою лекала для одежды.

— Хорошо.

Нин Гуйчжу ушёл в спальню. Сюн Цзиньчжоу убрал вымытую посуду, наспех привёл кухню в порядок и, глянув на собак и цыплят с утятами, теснившихся у очага в поисках тепла, поднялся и огляделся. В углу он отыскал жаровню, которой пользовались зимой.

В дождливую погоду света было мало, а раз Нин Гуйчжу собирался шить, двери и окна придётся держать открытыми. Без огня рядом не обойтись, иначе легко простудиться.

Подумав об этом, Сюн Цзиньчжоу нашёл деревянную подставку, водрузил на неё каменную жаровню, вынул из очага несколько крупных углей и сложил их в центр, а сверху положил несколько поленьев, дающих меньше дыма. Жаровня была каменной, вместе с подставкой весила немало. Он прикинул, как удобнее взяться, и, напрягшись, поднял её, выйдя из кухни.

Порывы ветра, смешанные с дождевой пылью, залетали под навес и, попадая на раскалённые угли, с шипением гасли. Нин Гуйчжу как раз раскладывал ткань, когда услышал звук, поднял голову и увидел, как Сюн Цзиньчжоу заносит жаровню. Он поспешно освободил место у стола:

— Зачем ты огонь сюда принёс?

Сюн Цзиньчжоу поставил жаровню рядом со столом:

— Чтобы согреться. Постарайся не заболеть.

Нин Гуйчжу понял, что тот просто о нём заботится, невольно поджал губы и тихо сказал:

— Спасибо.

Сюн Цзиньчжоу посмотрел на него, уловил неловкость в выражении лица и негромко усмехнулся. Этот тихий смешок утонул в шуме ветра и дождя.

Ткань, которая пока была не нужна, временно сложили на кровать. Нин Гуйчжу вытянул кусок грубого полотна, расстелил его на столе и, взяв деревянную линейку и тонкую белёсую каменную пластинку, начал выводить на ткани линии выкройки.

Деревянная линейка и каменная пластинка тоже были из тех самых простых инструментов для

пошива, купленных в лавке тканей.

Сюн Цзиньчжоу, не зная, чем себя занять, держал в руках свернутую половину полотна и наблюдал, как Нин Гуйчжу выводит линии. Работал тот неспешно: то и дело останавливался, задумывался, возвращался к уже намеченному и подправлял линии.

В современном мире, где развит интернет и способов заработка предостаточно, Нин Гуйчжу одно время шил кукольную одежду. От выбора ткани и фасона до вышивки - через его руки прошло немало самых разных нарядов.

Теперь же он так тщательно переделывал выкройку по двум причинам. Во-первых, он сверялся с воспоминаниями прежнего хозяина тела, стараясь понять, какие фасоны одежды приняты в этом мире. Во-вторых, он впервые шил одежду для взрослого человека и пока не до конца чувствовал, какой припуск нужно оставить.

Лишь после нескольких проверок он окончательно утвердился в выкройке, отложил линейку и каменную пластинку и взял ножницы. Теперь движения стали куда увереннее: вскоре нужные детали были аккуратно вырезаны.

Сюн Цзиньчжоу свернул оставшуюся ткань и спросил:

— Это ещё понадобится?

— Пока убери, — ответил Нин Гуйчжу.

Он аккуратно разложил выкроенные детали, сложив соответствующие части вместе, затем достал иглу с нитками и принялся за шитьё.

Сюн Цзиньчжоу положил свернутую ткань на кровать, вернулся и, понаблюдав за работой, с любопытством спросил:

— Эти вещи ты сначала для себя будешь шить или для меня?

— Для нас обоих сразу.

Нин Гуйчжу сделал несколько дополнительных стежков в начале, закрепляя нить, и лишь потом продолжил:

— Размеры я снимал по твоей форме из сундука. Она ведь тебе впору?

— Самое то! — поспешно подтвердил Сюн Цзиньчжоу.

Хотя ещё до вопроса Сюн Цзиньчжоу по количеству раскроенной ткани смутно догадывался об ответе, услышав подтверждение из уст Нин Гуйчжу, он всё равно почувствовал, как на сердце разливается тепло - тёплое, мягкое, с едва уловимой сладостью.

Он тихо кашлянул, подавляя это странное ощущение, и сказал:

— Пойду гляну на собак и цыплят.

Не дожидаясь ответа, он поспешно вышел из спальни.

Нин Гуйчжу лишь мельком поднял на него взгляд и не придал этому никакого значения, снова опустив голову к работе и продолжив вести иглу.

Ткань и нитки в этом мире были прочными, если шить плотно и аккуратно, одежду можно было чинить и носить долгие годы. Он настолько погрузился в мир шитья, что не заметил, когда за окном стихли ветер и дождь. Однако света стало ещё меньше. Нин Гуйчжу поднял голову, слегка поморщился и потер глаза. Как раз в этот момент он увидел, как Сюн Цзиньчжоу входит с охапкой тонких дров.

Заметив, что тот трет глаза, Сюн Цзиньчжоу сказал:

— Хватит на сегодня. Отдохни. Похоже, к вечеру дождь снова усилится.

Нин Гуйчжу посмотрел в сторону улицы. Тучи сплелись в плотную, тяжёлую массу - мрачную, давящую, от которой невольно поднималась тревога.

Сюн Цзиньчжоу подбросил дров в жаровню. Увидев, что Нин Гуйчжу всё равно собирается продолжать шить, он протянул руку, забрал у него работу и положил на стол.

— В уезде был случай: вышивальщики шили при плохом свете и портили себе зрение. Не стоит торопиться ради лишнего часа.

Оставшись без дела, Нин Гуйчжу просто поднялся и немного размялся, сказав:

— Когда ничем не занят, всё время кажется, будто чего-то не хватает.

Сюн Цзиньчжоу:

— ...

Гром внезапно раскатился над самым домом. Вспышка молнии на миг залила всё вокруг

ослепительным белым светом и тут же исчезла, будто её никогда и не было.

Нин Гуйчжу инстинктивно прикрыл уши. Несколько лет жизни в городе приучили его к хорошей звукоизоляции, и теперь, оказавшись лицом к лицу с раскатами грома, он невольно ощутил первобытный страх перед стихией.

Заметив его жест, Сюн Цзиньчжоу поднялся, подвёл Нин Гуйчжу к жаровне, придвинул табурет и усадил его с внутренней стороны.

— Может, приляжешь ненадолго? При такой грозе дождь вряд ли будет долгим.

Нин Гуйчжу протянул руки к огню, покачал головой:

— Не усну.

Гром прогремел ещё несколько раз, и тяжёлый, густой дождь наконец хлынул, с грохотом ударяясь о землю и взрываясь россыпями брызг. Под таким ливнем ветер стих, а свет постепенно стал ярче.

— Гав!

— Гав-гав!

Лай щенков привлёк их внимание. Они обернулись к двери и увидели двух собак, радостно виляющих хвостами и глядящих на них, а за ними слышалось тонкое писклявое «чип-чип» птенцов.

Сюн Цзиньчжоу и Нин Гуйчжу переглянулись и подошли к двери. Даван и Эрцай задрали головы, высунув языки - непонятно, чему они так радовались. Цыплята и утята беспорядочно толпились у них за спиной и, стоило собакам остановиться, тут же изо всех сил жались к ним, ища тепла.

— ...

Сюн Цзиньчжоу вышел из спальни.

— Даван, Эрцай, сюда.

Он увёл собак и птенцов на кухню. Нин Гуйчжу остался стоять в дверях и, когда мужчина вернулся, сказал:

— Может, перенесём жаровню на кухню? Так и дров меньше уйдёт.

— Тебе не будет неудобно? — спросил Сюн Цзиньчжоу.

— Ткань уже раскроена, так что ничего неудобного.

Услышав это, Сюн Цзиньчжоу больше не стал возражать, вошёл в спальню, взял жаровню и понёс её на кухню. Нин Гуйчжу захватил несколько кусков ткани, которые нужно было сшить в первую очередь, а также иголки, нитки и ножницы, и пошёл следом.

На кухне Сюн Цзиньчжоу высыпал всё содержимое жаровни в топку, затем вернулся за теми тонкими поленьями, которые раньше перенёс в спальню, и отнёс их обратно в дровяной сарай. Дрова, дающие мало дыма, доставались нелегко, поэтому их нужно было беречь и оставить на зиму.

Нин Гуйчжу взял метлу и тщательно подмёл пол, убрав грязь, которую нанесли куры и утки, после чего сел у очага с тканью в руках.

Сильный дождь шёл меньше получаса и вскоре прекратился, небо посветлело. Нин Гуйчжу подождал немного, но, увидев, что снаружи снова начал моросить мелкий дождь, никуда выходить не стал и, опустив взгляд, продолжил сшивать детали.

Возможно, из-за того, что они почти не работали физически, к полудню голода не чувствовалось, поэтому ни Нин Гуйчжу, ни Сюн Цзиньчжоу не стали есть. Готовить они поднялись лишь ближе к трём часам.

Дикая зелень уже закончилась. Нин Гуйчжу зашёл в зал. Вчерашние папоротники, разложенные по бамбуковым корзинам, стояли здесь; за день их обдувало ветром, но они почти не подсохли. Он выбрал пучок, выглядевший не слишком красиво, и отнёс его на кухню.

Сюн Цзиньчжоу сидел у очага и кипятил воду. Увидев, как Нин Гуйчжу вернулся, он сказал:

— Мясо уже нарезал, добавил немного соевого соуса, пусть маринуется.

Нин Гуйчжу кивнул в ответ. Кипятком он заварил немного смеси из разных видов муки, вымесил тесто и сформовал из него небольшие пампушки. Затем снова долил в котёл холодной воды, поставил сверху паровую решётку, уставленную пампушками, и развёл огонь, чтобы парить.

Из яиц и небольшого количества муки Нин Гуйчжу замешал жидкое тесто для блинчиков и распорядился:

— А ты пока промой папоротник и нарежь его на небольшие кусочки.

— Хорошо, — отозвался Сюн Цзиньчжоу.

Он сложил папоротник в таз, где до этого месили тесто, и вынес его наружу мыть. Нин Гуйчжу тем временем разжёг очаг, плеснул немного масла в глиняный котёл, обернул ручку тряпкой и, покачивая, прогрел масло. Затем зачерпнул ложку теста и вылил внутрь.

Снова, держа котёл через тряпку, он равномерно распределил тесто, дал ему схватиться, после чего лопаткой перевернул тонкий блин, подержал его на слабом огне ещё несколько секунд и вынул. Готовые блинчики он нарезал соломкой, обжарил мясо, добавил к нему блинную соломку, быстро перемешал, и блюдо было готово. После этого он обжарил папоротник, и ужин оказался полностью приготовлен.

Нин Гуйчжу вынес блюда на стол, а Сюн Цзиньчжоу открыл крышку котла и достал распаренные грубые пампушки. Только что вынутые из пара, они были особенно мягкими. Сидя рядом и слушая, как за окном тихо шуршит дождь, они вместе съели вкусный ужин.

Но накормить нужно было не только себя - очередь дошла и до собак с цыплятами и утятами. Как раз кстати пришлось оставшиеся грубые пампушки - их и пустили на корм.

На очаге томился горький отвар лекарства. Пользуясь остатками дневного света и огнём свечи, Нин Гуйчжу дошил принесённые куски ткани, убрал иголки с нитками и отнёс всё обратно в спальню.

Сегодня шить больше не планировалось, и Нин Гуйчжу снова переложил лежавшие на кровати отрезки ткани на стол, наспех привёл постель в порядок и вернулся на кухню. К этому времени лекарство уже выварилось, а вода в котле закипела.

Это был третий день приёма отвара. Нин Гуйчжу пил лекарство и наблюдал, как Сюн Цзиньчжоу высыпает лекарственные остатки прямо на землю, и невольно спросил с недоумением:

— Зачем это?

— Они сегодня под дождём промокли, — ответил Сюн Цзиньчжоу. — Пусть тоже поедят, чтобы не заболеть.

— ...Так можно?

Увидев его растерянный взгляд, Сюн Цзиньчжоу ногой разровнял разбросанные травы и пояснил:

— Всё ведь лечебное, разницы большой нет. К тому же многие вообще подбирают лекарственные жмыхи и варят их заново.

Нин Гуйчжу собирался было сказать, что у лекарств разное действие, но, услышав последнюю фразу, замер и переспросил:

— Подбирают жмыхи... и снова варят? Людям пить?

— Да.

Сюн Цзиньчжоу поднял голову, заметил его потрясённое выражение лица и неловко потер нос, добавляя:

— Ну, конечно, не всё подряд берут.

Но даже так Нин Гуйчжу никак не мог представить себе подобную картину.

<http://bllate.org/book/14958/1354606>